

ТАМАРА КАЛЁНОВА, СЕРГЕЙ ЗАПЛАВНЫЙ

СКАНДАЛЬНЫЙ “ПАМЯТНИК”

Что такое памятник?

Наиболее ёмкий и исчерпывающий ответ на этот вопрос даёт “Толковый словарь живого великорусского языка” В. И. Даля. “Памятник, – говорится в нём, – сооружение зодчества или ваяния в честь и память события, лица”. Практически то же самое определение, но иными словами изложенное, находим в “Словаре русского языка” С. И. Ожегова и целом ряде других словарей и энциклопедических изданий. Вот одно из них: “Памятник – произведение искусства, созданное для увековечения людей или исторических событий; скульптурная группа, статуя, бюст, плита с рельефом, триумфальная арка, колонна, обелиск, гробница, надгробие и т. д.”. А “Краткая литературная энциклопедия” добавляет к этому толкованию очень важный уточняющий штрих: *прославление*.

Однако за время рыночных реформ от этих определений камня на камне не осталось. Сегодня, когда власть предрержащие осознанно и последовательно превращают культуру в индустрию развлечений, когда пресловутая свобода выбора оборачивается *глумлением*, каждый волен толковать веками складывающиеся нормы и понятия на свой аршин. В Санкт-Петербурге, например, уже не один год проходит всероссийский конкурс “Забавный памятник”. Спрашивается: а могут ли *прославление, честь, память* быть забавными? Судя по всему, могут. “А если не понимаешь, – как поётся в незатейливом припеве одной из сегодняшних песен-блатяшек, – утрись!”.

И мы утираемся. Ведь ныне у нас “новое мышление”, “новая Россия”, “новое искусство”. А оно, это “новое”, нагло творит свои “памятники”: в Красноярске “памятник пьянице” или, скажем, “памятник пожилому слесарю, выглядывающему из люка”; в Саратове – “памятник тётке”; в Санкт-Петербурге – “памятник Чижиху-Пыжиху на Фонтанке”; в Воронеже – “памятник котёнку Васе и Вороне”; в Екатеринбурге – “памятник отпечаткам ступней человека-невидимки” (установлен у входа в областную библиотеку), в Москве “памятник корове с девизом: теперь будем с мясом!” и множество других, не менее эпатажных.

Не отстаёт от “продвинутых” городов и наш старинный теремной студенческий Томск, первый университетский центр Сибири, ещё в XIX веке снискавший славу “Сибирских Афин”. Эпидемия “забавных памятников” не минула и его. Здесь, вероятно, в под-

ражение столичным новациям, один за другим стали “воздвигаться” аналогичные изваяния. В их числе “памятник гостиничным тапкам”, “памятник электрику”, “памятник больельщику”, “памятник ребёнку, найденному в капусте” и другие. (В скобках заметим, что как парковая скульптура, без претенциозного отнесения её к памятникам, многие из этих изображений могли бы восприниматься нормально, с юмором.) Но все мыслимые и немыслимые пределы “новаторства” превзошёл “памятник” классику отечественной литературы с “забойной” сопроводительной надписью: “Антон Павлович Чехов глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего “Каштанку”. Автор – Леонтий Усов. На очередном конкурсе “Забавный памятник” (2005 год) он был удостоен третьей премии. А ведь годом раньше во всех документах администрации города Томска он именовался академически строго – “памятник А. П. Чехову в г. Томске”, и торжественное установление его было приурочено к двум памятным датам – 100-летию со дня смерти писателя и 400-летию Томска. Забавных памятников к таким датам, согласитесь, не ставят.

Замысел этого “произведения искусства” созрел у скульптора не на пустом месте. Незримыми нитями он связан с тем далёким уже от нас временем, когда в Томске – проездом на каторжный остров Сахалин – побывал А. П. Чехов. Чувствуется, что толчком для “творческой” мысли автора “забавного памятника” стало знакомство с путевыми очерками и письмами писателя, но прочитал он их весьма своеобразно. Для того чтобы понять, как именно, переехав их и мы.

“Представьте моё мучение, – писал Чехов родным с дороги в мае 1890 года. – То и дело вылезая из возка, сажусь на сырую землю и снимаю сапоги, чтобы дать отдохнуть пяткам. Как это удобно в мороз! Пришлось купить в Ишиме валенки... “...грязь, дождь, злющий ветер, холод... и валенки на ногах. Знаете, что значит мокрые валенки? Это сапоги из студня...” “...Холода были ужасные, на Вознесенье стоял мороз и шёл снег, так что полушубок и валенки пришлось снять только в Томске в гостинице... Реки выступили из берегов и на десятки вёрст заливали луга, а с ними и дороги: то и дело приходилось менять экипаж на лодку...” “Здесь есть [ресторан] “Славянский базар”. Обеды хорошие, но добраться до этого “Базара” нелегко – грязь невылазная...” “Томичи говорят, что такая холодная и дождливая весна, как в этом году, была в 1842 г. Половину Томска затопило. Мое счастье! <...> В Томске нужно будет дожидаться того времени, когда прекратятся дожди...”

Дожди лили шесть дней. Они дали возможность Чехову, у которого в дороге открылось кровохарканье, не только передохнуть, но и немало поработать. Ещё в Москве, готовясь к поездке, он наметил себе: “В Томске осмотрю университет. Так как там только один факультет – медицинский, то при осмотре я не явлю себя профаном...”

В университете Чехова принял попечитель Сибирского учебного округа, автор фундаментального труда “Усовершенствование и вырождение человеческого рода”, в котором современные учёные видят истоки медицинской генетики, профессор и организатор высшего сибирского образования В. М. Флоринский. Надо полагать, общение этих двух неординарных людей, посвятивших свою жизнь врачеванию телесных и духовных недугов, было содержательным. Состоялось немало и других встреч – с архитектором С. М. Владиславлевым, стихотворцем В. А. Долгоруковым, избравшим себе громкий псевдоним Всеволод Сибирский, и другими известными в городе людьми. Далекое не все из этих встреч оказались интересными и необходимыми. Случались и курьёзы. Как-то раз поздно вечером заявился к Чехову помощник томского полицмейстера некто Аршаулов.

“Что такое? – растерялся поначалу Антон Павлович. – Уж не политика ли? Не заподозрили ли тут во мне вольтерьянца?”

Оказалось, нет. Прочитав сообщение в газете, что “утром 16 мая в Томск из Омска приехал известный русский писатель Антон Павлович Чехов, автор драмы “Иванов”, Аршаулов явился засвидетельствовать ему своё почтение, а заодно познакомиться со своими литературными опытами.

“Он драмы не читал, хотя и привёз её, но угостил рассказом, – не без иронии написал об этом визите Чехов. – Недурно, но только слишком местно. Попросил водки. Не помню ни одного сибирского интеллигентка, который, придя ко мне, не попросил бы водки... Затем предложил мне съездить посмотреть томские дома терпимости...”

А вот упоминание ещё об одном томском жителе: “Сегодня обедал с редактором “Сибирского вестника” Картамышевым. Местный Ноздрёв, широкая натура... Пропил 6 рублёв”.

Стоит ли удивляться, что после подобных встреч Чехов сделал следующую запись: “Томск – скучнейший город. Если судить по тем пьяницам, с которыми я познакомился, по тем вумным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучнейшие...”.

Однако все эти шесть дней, уединившись, насколько это было возможно, Чехов писал, писал и писал. И не только письма родным, но и путевые очерки для петербургской газеты “Новое время”. Те самые очерки, которые впоследствии составили его знаменитый цикл “Из Сибири”. Семь из них на основе путевых набросков, сделанных ранее, были созданы в Томске. Семь из девяти! В них есть лёд и пламень, вера и боль, красота и грязь.

“Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! – читаем в одном из них. – Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землёй”.

“Местная интеллигенция, – читаем в другом, – мыслящая и немыслящая, от утра до ночи пьёт водку, пьёт неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея... Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа: она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поёт, не смеётся, не милостива и, как выразился один старожил в разговоре со мною: “жестка на ощупь”.

Оценивая сибирские очерки писателя, обозреватель иркутской газеты “Восточное обозрение” сделал такой вывод: “Описания г. Чехова нельзя упрекнуть ни в сентиментальности, ни в какой-либо тенденциозности. Он рассказывает лишь то, что сам видел и слышал, а главное – понял. Все рассказы его отличаются крайней простотой, но они глубоко правдивы и реальны. Его симпатии всегда на стороне трудовой, честной жизни. Он берёт людей такими, как их создала суровая природа края, их тяжёлый упорный труд, своеобразные условия жизни”.

А вот мнение знаменитого русского юриста, литератора, общественного деятеля А. Ф. Кони: “Он предпринял <...> тяжёлое путешествие, сопряжённое с массой испытаний, тревог и опасностей, отразившихся губительно на его здоровье. Результат этого путешествия <...> носит на себе печать чрезвычайной подготовки и беспощадной траты сил и времени. В ней за строгой формой и деловитостью тона <...> чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя”.

“Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии”, – сказал Поэт. Неудивительно, что авторы картамышевского “Сибирского вестника”, укрывшиеся за псевдонимами “Вин” и “Чечётка”, а также некий Я. Ваксель – в обиде на Чехова за его нелестные отзывы о Томске и томичах – разразились слабыми в литературном отношении, но полными язвительности и себялюбия фельетонами, а статистик Томской железной дороги, автор книги “Стихотворения и элегии в прозе” М. Цейнер дал Чехову отповедь, тон которой к финалу, однако, меняется:

*Нет, не хули моей землячки
И злых напрасли не пиши, —
Не распознал ты сибирячки,
Не разгадал её души.*

.....
*Но если кто любовью нежной
В её душе огонь зажжёт;
Но если страсти взор мятежный
Глубоко в грудь ей западёт,—
Тогда... О, если б ты увидел
Её — той светлою порой,
Упрёком злым бы не обидел
Моей землячки молодой!..*

.....
*Так и страна моя родная:
Сурова, мрачна, холодна,
Всё снежной пылью заметая,
Порой неласкова она.*

*Но только луч тепла осветит
Её с лазоревых небес,
О, сколько взор тогда заметит
В ней неожиданных чудес!..*

Но время и томичи оказались мудрее этих поэтических словопрений и петициных наскоков. В Томске, ещё при жизни Чехова, были поставлены все его лучшие пьесы – не только “Иванов”, но и “Дядя Ваня”, “Вишнёвый сад”, “Чайка”, “Три сестры”, драматические шутки “Предложение”, “Трагик поневоле”... На кончину Чехова в 1904 году откликнулся буквально весь город. В храмах служили панихиды. Память писателя почтили преподаватели, студенты, купечество. Состоялось заседание Томского юридического общества. Выпущены шесть брошюр под общим названием “Жизнь и произведения А. П. Чехова”.

О советском времени и говорить не приходится. Книги и спектакли по произведениям любимого писателя пользовались особой популярностью не только в Сибири, но и по всей стране. За сто с лишним лет у народа сложился живой и яркий образ писателя-гуманиста, писателя-подвижника, писателя-труженика. Казалось бы, именно он и должен был вдохновить скульптора, взявшего на себя столь огромную ответственность – увековечить память об этом замечательном человеке, выбрав из множества его трудов и деяний главное, достойное для прославления.

О том, что выбрал для себя Леонтий Усов, говорит он сам в интервью газете “Вечерний Томск” от 23.08.2005: “. . . У Томска уже 115 лет “личные отношения” с Антоном Павловичем. Всё, что понравилось ему в нашем городе, – “Славянский базар”, а в остальном впечатление лишь о грязи да о пьяни. Мне не могут простить, что я изобразил классика глазами пьяного мужика. Себя в нём увидели! “И ходят тут кругом “вумные” люди!” – как Чехов писал. . .”.

Комментировать этот текст как-то неловко. О “личных отношениях” Томска с Чеховым сказано выше. Что же остаётся? Проблема пьянства, но она – уву! – общая для всех российских городов и весей. Обида за слова о “грязи и пьяни”? Но она давно устарела и ныне воспринимается как нечто надуманное, сутяжное. Остаётся жажда амикошонства (от французских слов *ami* – друг и *cochon* – свинья). Ведь как соблазнительно похлопать великого человека по плечу, поиронизировать над ним, затеять с ним безответную полемику – и привлечь тем самым внимание к собственной персоне. Ничего не поделаешь: рынок! А главная его сила – пиар, реклама, нахрап, поддержка людей властных и денежных.

Справедливости ради следует сказать, что у того же Усова был уже опыт создания памятных скульптурных изображений Л. Н. Толстого и А. С. Пушкина, причём опыт удачный. Эти свои работы он преподнёс в дар музеям-усадебам в Ясной Поляне и Болдине. Но событие это широкой огласки не имело и известности автору не принесло. Вот он и решил “раскрепоститься” на Чехове. Сначала сделал небольшую “забавную” скульптуру из дерева, затем решил превратить её в “памятник”.

Что же “забавного” мы видим в его творении? Представьте себе фигуру учителя греческого языка Беликова, описанного Чеховым в рассказе “Человек в футляре”: “Он был замечателен тем, – читаем у Чехова, – что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в тёплом пальто на вате, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он всё время прятал его в поднятый воротник. Он носил тёмные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил от внешних влияний”.

Очень похоже изобразил Чехова и Усов. Пальто с поднятым воротником наглухо застегнуто на карикатурно большие пуговицы и похоже на длиннополую расклешенную книзу юбку, надетую на плечи. Под сдвинутой набок шляпой поблескивает пенсне, которого, кстати сказать, высокий, красивый, тридцатилетний Антон Павлович в 1890 году ещё не носил. Под локти за спиной продет сложный зонтик. Ноги, напоминающие клешни, не то обмотаны размокшими, превратившимися в нечто бесформенное портянками, не то в “сапоги из студня” облачены – явный намёк на путевые проблемы Чехова

с обувью. Общее впечатление – жалкий уродец, гротескно напоминающий великого русского писателя.

Разночтений тут быть не может: мало того, что ваятель увидел Чехова “глазами пьяного мужика, лежащего в канаве...”, он ещё и уподобил его одному из созданных писателем типажей, олицетворяющих повседневную пошлость и мертвящую бездуховность грамотного обывателя. Иначе как издёвкой или мстительной пародией это не назовёшь.

О том, как именно Усов претворил в жизнь свой замысел – сделать из деревянной скульптуры “памятник”, – повествует репортаж, опубликованный газетой “Добрый день” в начале 2004 года. Назывался он “Народный Чехов” (подзаголовок: “Томичи возрождают древние традиции”) и начинался весьма детективно: “Леонтий Усов стоял с протянутой рукой. Перед входом в ресторан “Славянский базар”. И беззастенчиво просил деньги у проходящего мимо народа. А рядом со скульптором стоял босоногий Антон Павлович Чехов, вырезанный из дерева рукой мастера <...> Усов решил поставить памятник Чехову на народные деньги...”.

Дальше в репортаже говорится: “Надо признать, что далеко не все из присутствующих на уличной “пресс-конференции” поддержали идею Усова. Одних, как, например, члена Союза художников Ярославу Беспалову, возмутило отсутствие референдума. Другие свели всё мероприятие к одной фразе: кабацкому месту – кабацкий памятник. Последние в шеренге недовольных возмущались равнодушием городских чиновников, выдающих разрешение на установку бездарных монументов...”.

В той же газете в номере от 28.02.2004 года откликом томичей на “инициативу” Усова был отдан целый разворот с общим заголовком “Ах, зачем нет Чехова на свете...” (рубрика “Резонанс”). В вводке к нему говорилось: “Честно скажем, среди тех мнений, с которыми довелось познакомиться редакции, не было ни одного положительного”. Протестовали писатели, художники, композиторы, учёные, работники культуры, преподаватели, инженеры, люди других профессий. Однако на помощь Усову и его сторонникам пришли власть и бизнес. О том, откуда взялись “народные деньги” на воплощение карикатурного изображения русского классика в бронзе, чьими усилиями установлен этот “шедевр”, свидетельствует табличка на его постаменте. На ней выгравированы имена бывшего мэра (ныне его дело по обвинению в коррупции рассматривает областной суд), управляющего филиалом одного из столичных банков и владельца ресторана “Славянский базар”.

С тех пор страсти вокруг скандального “памятника” то утихают, то вновь разгораются. Утихают потому, что их заглушают другие, ещё более не укладывающиеся в голову события в социальной, культурной, политической жизни страны, региона, города. У людей накапливается непроходящая усталость, апатия, равнодушие. Всё больше и больше появляется граждан, прежде всего молодых, которые даже классику не читают, предпочитая книге компьютерные игры или чтиво, подлинному искусству – зрелище, бьющее по нервам, трюкачество всякого рода, музыкальный, изобразительный и словесный эпатаж.

О влиянии на массовое сознание СМИ и говорить не приходится. Именно с их помощью в Томске стало утверждаться представление о том, что усовский Чехов – “самый правильный памятник от самого правильного автора”, что это “бренд Томска” и т. п. и т. д. Время от времени тележурналисты даже социологические опросы населения проводят. Но у них на этот случай свои хитрости припасены. Вместо того чтобы выяснить, считают ли томичи скульптурное изображение работы Усова памятником, соответствует ли оно их представлениям об А. П. Чехове, место ли ему в губернаторском квартале, где по Закону о нём (цитируем) “расположены важнейшие административные здания, объекты социального значения, а также памятники истории, культуры и архитектуры, образующие историко-культурный заповедный район”, ведущий передачи спрашивает – нравится ли нам “памятник” Чехову, следует ли его сносить или нет... Эта явная подмена вопросов даёт свои результаты, изрядно сбивает точность социологических весов. Одно только слово “сносить” даже у людей, критически относящихся к изыскам Усова, вызывает чувство противоядействия. “Ну, разве можно покушаться на свободу творчества! Художник всегда прав! Времена тоталитаризма кончились!” – восклицают они.

Не менее провокационен и опрос по принципу “нравится – не нравится”.

Ведь памятник создаётся не для одного человека и не для группы лиц, а для всех жителей города и его гостей. Он должен объединять людей, а не разъединять, учить патриотизму, возбуждать интерес к отечественной истории, к жизни и свершениям её выдающихся сынов и дочерей, быть образцом русской культуры, её нравственных идеалов и этических норм.

Увы, творение Усова рождает совсем иные чувства. В одном из своих многочисленных интервью скандальный скульптор заявил: “Сами посмотрите: как только поставили памятник – тут же Чехова стали изучать, его жизнь и творчество!” Но так ли это? Нам, например, запомнился такой телевизионный сюжет: учительница младших классов привела своих воспитанников к так называемому памятнику. Один из её учеников, показывая себе под ноги, сказал в камеру: “Здесь лежал пьяный, он смотрел на Чехова”. Его соклассница добавила: “А здесь был ресторан “Славянский базар”, где хорошо кормили”. Вот и всё, что дала детям эта экскурсия.

Или другой случай, также зафиксированный вездесущими журналистами. Осматривая достопримечательности Томска, сотрудники японского посольства были ошарашены тем, что открылось их взору на набережной реки Томи у “Славянского базара”. Однако как люди, умеющие скрывать свои эмоции, они вежливо покивали и обмолвились – де, в их стране не принято ставить монументы всемирно известным писателям в таком виде. Сопровождавшая их высокопоставленная чиновница, для которой Усов – “это наше всё”, вынуждена была согласиться, что изображение Чехова и впрямь относится к разряду гротесковых. А гротеск, как мы знаем, это сочетание правдоподобия и карикатуры.

Ну можно ли после всего этого верить Усову и его единомышленникам, что они горячо и свято любят Чехова? И как воспринимать “чеховские пятницы” у “Славянского базара”, на которых комикует “под Чехова”, изображая “оживший памятник Антону Павловичу глазами пьяного мужика...”, председатель правления Томской региональной организации творческого союза художников, скульптор и поэт-пародист Олег Кислицкий? Да, на этих “пятницах” звучат стихи и песни местных бардов, утоляя голод томичей по литературным встречам, да, здесь удобно проводить в тёплую пору книжные ярмарки. Но карикатурное изображение Чехова и шоу Кислицкого придают этим мероприятиям очень уж нездоровый привкус. Приходящие на них люди будто оглохли, ослепли и не могут понять, что главная задача устроителей “чеховских пятниц” – правдами и неправдами утвердить творение Усова как “народное”, искусственно превратить набережную у “Славянского базара” в томский Парнас, в очередной раз “пропиариться”.

Почти два года назад на заседании “круглого стола”, где сошлись главным образом сторонники “нового искусства”, Кислицкий проговорился: “Если у Даля написано: “В память чего-то”, то мы трактуем иначе. Памятник – это место, где можно фотографироваться на память...” (журнал “Сибирские Афины” № 3–4 за 2006 год). Там же приведено не менее откровенное высказывание Усова: “Мы с государством не играем в игрушки, и не будем играть! С конкретными чиновниками будем работать, но не с государством!.. Собирать конкурсы и комиссии принципиально отказываемся! Нам они не нужны, это полная могила для нас будет!..”.

Такая вот чёткая воинствующая позиция. Однако не ослабевает и сопротивление ей. Немалый резонанс в городе имело письмо председателя ЦИК МССО генерал-майора авиации в отставке Е. И. Копышева, обращённое к руководителям области. “Как же нужно ненавидеть Россию, русский народ, – говорилось в нём, – чтобы так издеваться над великим русским писателем, которого Л. Н. Толстой называл “Пушкиным в прозе”? От имени Союза советских офицеров выражаю решительный протест против такого опозления русской культуры”. К сожалению, обсуждение этого письма на заседании рабочей группы, сформированной Государственной Думой Томской области, свелось к признаниям в горячей любви к Чехову, к разговорам о свободе творческого самовыражения, в которое депутаты и руководители ведомств культуры не вправе вмешиваться, и к тому, что “памятник нельзя трогать, потому что он прижился”.

На самом-то деле он так и не прижился. Об этом свидетельствуют новые публикации, теле- и радиопередачи, диспуты. Одно из коллективных обращений к руководителям области, опубликованное ведущей областной газетой

“Красное знамя” 03.05.2007, имеет красноречивый заголовок: “Назвать ЭТО памятником кощунственно”. Его подписали члены томского Совета старейшин, в недавнем прошлом – ректоры томских вузов, директора крупных предприятий, руководящие советские и партийные работники, а также редакторы областных газет, учёные, военные, творческие работники, председатель городского Совета ветеранов. А 07.11.2007 на страницах той же газеты появилась статья председателя комиссии по науке, образованию и культуре, депутата Государственной Думы Томской области Н. П. Кириллова “Такой забавный... памятник” – с подзаголовком “Наше общество захлестнула волна подмены понятий”. Затем рабочая группа этой комиссии, в которую входили и мы, подготовила проект Закона “О порядке возведения произведений монументально-декоративного искусства городского значения” и передала его в комитет по труду и социальной политике Томской городской Думы.

Необходимость такого закона не только для Томска, но и для всех городов и поселков страны ныне очевидна. Разумеется, наши улицы и скверы должны украшать скульптурные изображения самых разных жанров, форм, художественных решений, но при этом каждое из них должно иметь чёткое определение – памятник это или нечто иное. Место для установления как памятников, так и обычной парковой скульптуры, все финансовые и прочие вопросы, с этим связанные, должны решаться в прямой зависимости от критерия, выработанного авторитетной экспертной комиссией, состоящей из признанных специалистов в области науки, культуры, архитектуры, искусства, краеведения. В случае же несоответствия ранее установленных скульптурных произведений определениям, которые будут прописаны в законе, по заключению экспертной группы администрация города имеет право не снести, а, подчеркиваем, перенести их в иное, соответствующее их жанру и назначению место. В этом суть и прямое действие предлагаемой законодательной инициативы. Но по опыту мы знаем, что даже одно слово *перенести* вызовет множество возражений самого разного толка. Ведь у нас сегодня в нарушение всех писанных и неписанных, нравственных и гражданских законов и правил легко можно установить “забавный памятник”, но как потом его с места сдвинуть? Никто не знает.

В Томске случай особый. Здесь задета честь великого русского писателя, а значит, и честь Союза писателей России, который и в наше рыночное время остался верен традициям русской классической литературы. Его правление и секретариат должны, на наш взгляд, высказать своё отношение к затронутой теме.

А завершить этот разговор нам хочется словами доктора филологических наук, профессора Томского государственного университета Н. Е. Разумовой: “В европейских городах теперь нередко ставят “неклассические” монументы, но это в условиях богатой культурной традиции выглядит как современная ироническая реплика в большом диалоге эпох. У нас же, особенно в Сибири, культурный слой так тонок, что нарочно травмировать его подобными экспериментами смертельно опасно... Чехову даже самое карикатурное изваяние повредить не может, но Томску повредит безусловно! Такой памятник не хранит, а, наоборот, отменяет память, потому что святого и высокого как бы и нет. Надо помнить, что не за всякую творческую инициативу язык повернётся сказать “спасибо”.